

И.М. Теняков¹

К ВОПРОСУ О СПРАВЕДЛИВОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РОСТЕ: ОПЫТ РОССИИ И КАЗАХСТАНА*

Ключевые слова: *справедливый экономический рост, инклюзивный рост, социальная справедливость, «подход возможностей», распределение доходов, мировая траектория роста, Россия, Казахстан.*

Эффективность, справедливость и экономический рост: вводные замечания

Проблема соотношения экономической эффективности и социальной справедливости имеет давнюю историю. При рассмотрении экономической эффективности делается акцент на сопоставлении экономических результатов и затрат. Соответственно, эффективный экономический рост можно трактовать как такой рост долгосрочного потенциального выпуска, при котором достигается максимальный уровень потребления на душу населения при минимальных затратах факторов производства, необходимых для обеспечения указанного уровня потребления. Собственно, неоклассический подход и предлагает такую трактовку эффективного экономического роста в форме известного «золотого правила накопления» Э. Фелпса (Phelps, 1961).

Понятие «социальная справедливость» связано с социальной ориентацией экономики и потому выходит за рамки «узкоэкономического» подхода. Существуют различные подходы к определению «социальной справедливости», которые в общих чертах располагаются между либеральным полюсом, постулирующим неэффективность равенства, поскольку оно порождает социальное иждивенчество и снижает стимулы к экономической деятельности, и социальным полюсом, указывающим на неэффективность неравенства, поскольку последнее ведет к деградации человеческого потенциала и снижению устойчивости социально-экономического развития. Между указанными полюсами возможно многообразие подходов к соотношению эффективности и справедливости (в каких случаях допустимо социальное неравенство, в какой степени оно может быть выражено, каковы общественные механизмы, сдерживающие чрезмерное разрастание неравенства и т.п.). Так, в крайнем варианте либерального подхода – либертарианском подходе – предполагается, что различий между экономической эффективностью и социальной справедливостью не существует, а потому любое Парето-эффективное распределение

¹ **Теняков Иван Михайлович**, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва (itenyakov@mail.ru).

***Цитирование:** Теняков И.М. (2023). К вопросу о справедливом экономическом росте: опыт России и Казахстана // Вопросы политической экономики. № 1 (33). С. 78-91.

DOI: 10.5281/zenodo.7850860 <https://zenodo.org/record/7850860>

УДК: 330.35; ББК: 65.7

благ и ресурсов является одновременно и социально справедливым. Как указывает Р. Нозик, «в полном виде принцип распределительной справедливости утверждал бы просто, что распределение справедливо, если каждый обладает титулом собственности на имущество, которое он имеет в соответствии с этим распределением» (Нозик, 2008. С. 195). В утилитаристском подходе, берущем начало в трудах И. Бентама, Дж. Ст. Милля и Г. Сиджвика, делается акцент на максимизации полезности всех членов общества. Справедливость понимается как «наибольшее счастье наибольшего числа людей» (Бентам, 1998). Американский философ Дж. Роулз понимал «справедливость как честность», которая основывается на двух принципах: «Первый принцип: каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других. Второй принцип: социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: (а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех, и (б) доступ к положениям (positions) и должностям был бы открыт всем» (Роулз, 2010. С. 66). Практическим следствием роулсианского подхода к справедливости является правило максимизации полезности наименее обеспеченных членов общества.

В противоположность концепциям либертарианства, утилитаризма и роулсианства, А. Сен предложил «подход максимизации возможностей» (Сен, 2016). Как отмечает Д.В. Балашов, теория А. Сена позволяет решить «проблему безбилетника», возникающую в эгалитаристском подходе, так как А. Сен предлагает не перераспределять ресурсы в обществе в пропорциональных долях, а максимизировать возможности людей. Важно то, какой результат в виде максимизации свобод общество получит в итоге (Балашов, 2021. С. 25).

Следует отметить, что проблематика социальной справедливости в настоящее время крайне актуальна не только в теоретическом плане, но и в практической сфере в ходе реализации концепции «устойчивого развития». При этом важнейшим аспектом социальной справедливости называется преодоление неравенства в различных сферах жизни. Так, большинство Целей ООН в области устойчивого развития² прямо или косвенно затрагивают проблематику социального неравенства (ликвидация нищеты, голода, обеспечение здорового образа жизни и всеохватного образования, гендерное равенство и т.д.), а цель № 10 прямо формулируется как «сокращение неравенства внутри стран и между ними».

Такое внимание к проблематике социального неравенства как формы социальной несправедливости на глобальном уровне вызвано в том числе итогами предшествующего развития в русле либеральной глобализации под американским лидерством. Так, известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц в своей книге «Цена неравенства» отвечая на вопрос «Когда мы зашли в тупик?» (т.е. где корни современной проблемы растущего неравенства) указывает на начало дерегулирования финансового сектора и уменьшение прогрессивной составляющей в налоговой системе, характеризующей экономическую политику «рейганомии» (Стиглиц, 2015. С. 30). В результате такого развития резко выросло неравенство по доходам и богатству на глобальном уровне. Так, согласно отчёту «Global Wealth Report 2022» швейцарского банка Credit Suisse, в 2021 году 1% са-

² Цели ООН в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (Дата обращения: 02.01.2023).

мых богатых людей планеты владели 45,6% всего мирового богатства, а на долю богатейших 10% приходилось 81,9% мирового богатства³. Б. Миланович отмечает, что если принять весь выигрыш в глобальном доходе, полученном в 1988-2008 гг. за 100%, то 44% пункта этого выигрыша достались 5% людей с наивысшими доходами, при этом на 1% людей с самыми высокими доходами пришлось 20% пунктов из указанных 44 (Миланович, 2017. С. 42). Системный обзор влияния глобализации в её различных проявлениях на неравенство доходов представил Э. Хелпман (Helpman, 2018).

Отметим, что усиление социального неравенства произошло в ходе смены системно-исторических типов экономического роста: перехода от зрелого индустриального роста к информационно-индустриальному росту в середине 1970 гг. (Теняков, 2017). Для зрелого индустриального роста было характерно постепенное снижение неравенства доходов. Как отмечает Т. Пикетти, если в 1910-1920 гг. самые богатые 10% американцев получали до 45-50% национального дохода, то уже в конце 1940 гг. их доля сократилась до 30-35% (Пикетти, 2015. С. 31). Данный вывод был обобщён с введением в научный оборот «кривой Кузнеца», отражающей изменение неравенства в распределении доходов в ходе экономического развития: рост неравенства на начальной стадии развития капитализма и его снижение на стадии зрелого капитализма. Однако, «кривая Кузнеца» отражала опыт развития экономики на основе лишь двух типов экономического роста: раннеиндустриального с его высоким социальным неравенством и зрелого индустриального роста XX в., характеризовавшегося существенным снижением неравенства. Предсказания будущего снижения неравенства на основе «кривой Кузнеца» не оправдались, так как в 1970 гг. экономика ведущих капиталистических стран начала переход к новому типу экономического роста, для которого стало характерно новое усиление неравенства.

Взаимосвязь неравенства и экономического роста давно дискутируется в научной литературе. Обзор сложившихся подходов представлен, в частности, в работе (Агийон, Уильямсон, 2015). Традиционная точка зрения, согласно которой неравенство оказывает стимулирующее воздействие на накопление капитала и экономический рост, как отмечает Ф. Агийон, не является бесспорной, поскольку указанный вывод зависит от ряда предпосылок (например, наличие совершенных рынков капитала), которые в реальности не всегда выполняются. И наоборот: перераспределение благосостояния от богатых к бедным в некоторых случаях может усилить экономический рост благодаря стимулирующим эффектам (в частности, расширение возможностей инвестирования для лиц с низкими доходами в условиях несовершенства рынка капитала и сокращения макроэкономической волатильности) (Агийон, Уильямсон, 2015. С. 51). В этом случае противоречие между экономической эффективностью и социальной справедливостью снимается, поскольку политика, направленная на решение задачи социальной справедливости через расширение возможностей бедных слоев населения, будет оказывать положительное влияние и на экономическую эффективность.

³ Global Wealth Report 2022 // Credit Suisse Research Institute. P. 32. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html> (Дата обращения: 02.01.2023).

Параметры «справедливого экономического роста»

Возвращаясь к вопросу об экономическом росте в контексте социальной справедливости, отметим, что неравенство доходов и богатства, сопровождающее экономический рост, является одним из важнейших параметров, по которому можно судить о «справедливом» либо «несправедливом» росте. В контексте подходов Дж. Роулза и А. Сена, рассмотренных выше, растущее неравенство в ходе экономического роста может сдерживать развитие возможностей всех членов общества, порождая преимущества для отдельных лиц и социальных групп и закрывая доступ к личностному и общественному развитию для большинства населения.

Однако проблема распределения результатов экономического роста (неравенство доходов и богатства) не может рассматриваться изолированно от проблемы источников, факторов и темпов роста, роли структурных факторов в обеспечении устойчивого экономического роста. Соотношение указанных параметров как внутри национальной экономики, так и в сравнении с экономиками других стран и мировой экономикой позволяет выявить дополнительные ракурсы «справедливого» экономического роста, не сводя последний исключительно к проблеме распределения доходов.

Во-первых, неравномерные темпы роста отдельных стран (а внутри страны – отдельных регионов) также усиливают неравенство возможностей: страна (регион) с более высокими темпами роста постепенно аккумулирует всё большую долю экономического потенциала, что позволяет со временем формировать собственные «правила игры» и институционально закреплять достигнутое доминирующее положение. Если в рамках страны проблема неравномерного развития «центра» и «периферии» всё же может быть решена на уровне государственной власти, выстраивающей определённые компенсационные механизмы для обеспечения сбалансированного роста страны как единого экономического пространства, то на уровне мировой экономики такого общепризнанного механизма решения указанной проблемы не существует. В этом случае можно считать «справедливыми» темпы роста национальной экономики не ниже среднемировых, причём для быстрорастущих экономик превышение темпов их роста над среднемировым уровнем – есть своеобразный бонус за более эффективное использование источников и факторов роста в случае, когда такой ускоренный рост не основан на отношениях неэквивалентного обмена с остальным миром. В противном случае ускоренный рост может считаться «несправедливым», однако доказать действие фактора неэквивалентного обмена далеко не всегда возможно. Например, по подсчётам индийского экономиста У. Патнаик в период 1765-1938 гг. Великобритания вывела из Индии около 45 трлн долл. через торговую систему и таким образом стимулировала свой собственный экономический рост за счёт упадка экономики Индии (Patnaik, 2017). Отметим, что в традиционных моделях экономического роста фактор неэквивалентного обмена в международных экономических отношениях никак не отражается, а сами модели строятся для ситуации «закрытой» экономики.

Во-вторых, сами темпы экономического роста – крайне ограниченный показатель, чтобы по нему судить о содержании, качестве и степени «справедливости» роста. Следует учитывать структуру роста: что именно растёт и за счёт каких источников и факторов. Растёт добывающее производство и сектор торгово-посреднических услуг при деградации обрабатывающего и наукоемкого производства? Либо

рост происходит за счёт отраслей, создающих продукцию с высокой добавленной стоимостью и требующих труда высокой квалификации, развития фундаментальной и прикладной науки, широкодоступного образования и качественного здравоохранения? В этом случае «справедливый рост» — это такой экономический рост, который создаёт возможности для повышения качества человека, развития его потенциала во взаимосвязи с развитием всей системы производительных сил и материально-технической базы национальной экономики.

В-третьих, как было отмечено выше, оценка экономического роста как «справедливого» соотносится с оценкой результатов распределения доходов и богатства, формируемых по итогам роста.

Таким образом, экономический рост в контексте социальной справедливости может быть представлен трояко:

- как соотношение долгосрочного роста реального потенциального ВВП с темпом роста мировой экономики (либо группой стран, чей экономический рост является определяющим для мировой экономики в целом);

- как соотношение структуры отраслей и видов экономической деятельности, меняющееся в ходе экономического роста: «справедливость» роста выражается в этом случае в преимущественном развитии таких видов экономической деятельности, которые обеспечивают наиболее полное и в то же время устойчивое раскрытие человеческого потенциала и развитие производительных сил общества;

- как соотношение общего роста реальных доходов на душу населения с ростом доходов отдельных групп, социальных классов и слоёв, а также изменение параметров неравенства доходов и богатства в приемлемых общественных рамках.

Остановимся также на соотношении «справедливого» и «инклюзивного» экономического роста. Понятие «инклюзивного роста» в настоящее время приобрело широкое распространение. В широком смысле, «инклюзия» — это включение всех элементов системы в некоторый процесс (в данном случае, экономического роста). С точки зрения экономической теории это относится к недискриминационному участию каждого человека в социальных и экономических процессах. При этом существуют различные трактовки «инклюзивного экономического роста». Либеральный подход делает акцент на возможностях, которых глобализация предоставляет людям или странам, соответственно, меньшее государственное вмешательство и большая либерализация экономики в этом случае способствуют и большей «вовлечённости» людей в экономический рост, т.е. повышению степени «инклюзивности» роста. Сторонники социально-ориентированного подхода к «инклюзивному росту» отмечают, что неравенство и бедность — неотъемлемые черты глобализации, а потому полноценной «инклюзии» с ростом глобализации не происходит, наоборот, всё большая часть людей отсекается от участия в экономическом росте и получения его результатов. При этом остаётся дискуссионным вопрос о статистических индикаторах инклюзивного роста, поскольку он представляет собой многогранное явление, которое не может быть измерено одним-единственным показателем (Inclusive growth..., 2019).

В частности, для оценки «инклюзивности» используется показатель Индекс инклюзивного развития (Inclusive Development Index, IDI), представленный Всемирным экономическим форумом в 2017 г., который включает 12 параметров, сгруппированных по 3 направлениям: 1) собственно рост и развитие (динамика ВВП,

занятость, производительность труда, ожидаемая продолжительность жизни), неравенство (параметры неравенства доходов и богатства), устойчивость (уровень сбережений, демографической нагрузки, государственного долга и загрязнения окружающей среды). Для каждого направления сначала определяются групповые индексы, а затем складывается итоговый индекс как их среднее арифметическое. Так, в 2018 г. среди развивающихся стран 1 место по IDI заняла Литва, а Россия оказалась на 19 месте⁴.

В этой связи отметим, что концепция «инклюзивного роста» и индикаторы его измерения, акцентируя внимание на «участии» людей в экономической и социальной жизни, недоучитывают важный фактор развития производительных сил, который только и может предоставить подлинные возможности участия человека в социальной и общественной жизни. Развитие производительных сил выражается в свою очередь в структуре прироста ВВП: достигается ли этот прирост за счёт сферы услуг и добывающего сектора, либо опирается на широкое развитие материального производства и, прежде всего, наукоемких отраслей. Понятие «справедливого роста», раскрываемое в данной статье, учитывает структурный аспект и в этом плане оказывается полнее, чем понятие «инклюзивного роста», игнорирующего, по существу, материально-техническую основу для «участия» и «вовлечённости» человека в экономические и социальные процессы. Кроме того, отметим, что ничего принципиально нового в «инклюзивном» подходе нет – на языке марксизма проблема «участия» человека в социально-экономической жизни формулируется как проблема отчуждения (Маркс, 1974). При этом преодоление отчуждения следует рассматривать на различных уровнях бытия, не сводя вопрос только к ликвидации чрезмерного социального неравенства или вовлечённости различных социальных групп в общественную и политическую деятельность.

«Справедливый экономический рост»:

Россия и Казахстан в постсоветский период

Приведём количественные оценки системы параметров справедливого экономического роста на примере экономической динамики России и Казахстана в постсоветский период.

Приведём количественные оценки системы параметров справедливого экономического роста на примере экономической динамики России и Казахстана в постсоветский период.

На Рис. 1 показана динамика реального ВВП России, Казахстана и мира в целом, в % к соответствующим уровням 1990 г. Рис. 1 иллюстрирует расхождение траекторий экономической динамики России и Казахстана, с одной стороны, и мировой экономики в целом – с другой. Основа расхождения была заложена в 1990 гг., когда в странах бывшего СССР имел место трансформационный кризис, сопровождавшийся глубоким спадом основных макроэкономических показателей (ВВП, доходы, занятость), ростом инфляции и безработицы и широкомасштабным перераспределением прав собственности. Как следует из графика, за 30 лет, прошедших с начала рыночных реформ, реальный ВВП России превысил показатель 1990 г. всего лишь на 20-25%, в то время как значение мирового ВВП в 2022 г.

⁴ The Inclusive Development Index 2018 Summary and Data Highlights. World Economic Forum. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Forum_IncGrwth_2018.pdf (Дата обращения: 26.02.2023).

в 2,9 раз превышало аналогичный показатель 1990 г. Динамика экономики Казахстана оказалась значительно лучше российской: за указанный период реальный ВВП Казахстана превысил соответствующий показатель 1990 г. в 2,25-2,3 раза. Однако и Россия, и Казахстан, тем не менее оказались на более низкой траектории экономической динамики по сравнению с траекторией мировой экономики. И если у Казахстана ещё есть шанс догнать мировую траекторию, то экономическая динамика в России существенно разошлась с траекторией роста мировой экономики, а стагнация 2010 гг., когда темпы экономического роста в России составляли около 1% в год (мир в целом – около 3,5%), надолго закрепила указанное расхождение.

Рис. 1. Экономическая динамика России и Казахстана в сравнении с мировой динамикой

Источник: составлено автором по данным: IMF World Economic Outlook Database. October 2022. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/October> (Дата обращения: 02.01.2023).

Таким образом, в сравнении с мировой динамикой экономический рост как в России, так и в Казахстане в постсоветский период не является справедливым (при этом в России степень несправедливости роста по динамике выражена сильнее). В аспекте динамики переход к «справедливому росту» для России означает, прежде всего, повышение сложившихся темпов роста реального ВВП, выход на темпы, как минимум, равные среднемировым, а желательно – даже их превышающие (что необходимо для компенсации накопленного отставания от мировой динамики за предыдущие годы). В частности, по авторским оценкам совокупные накопленные потери реального ВВП России за 1991-2020 гг. составили 25,4 единиц реального ВВП 1990 г. (Хубиев, Теняков, 2022. С. 26). Для Казахстана совокупные накопленные потери составляют около 8,2 единиц реального ВВП 1990 г. И хотя данная оценка

является сугубо количественной, она позволяет сделать и содержательные выводы – каков объём средств российской и казахстанской экономик мог бы быть потрачен на цели развития (в том числе развитие человеческого потенциала), если бы экономическая динамика в России и Казахстане хотя бы соответствовала мировой экономической динамике в течение всего постсоветского периода.

В структурном аспекте экономический рост России и Казахстана также является противоречивым. В Табл. 1 представлена структура реального ВВП России и Казахстана по основным видам экономической деятельности (данные по валовой добавленной стоимости в ценах 2015 г. приведены в % к итогу). На протяжении постсоветского периода имели место как общие, так и особенные тенденции структурных изменений в экономиках сравниваемых стран. При этом следует отметить, что показатели 2020 г. могут выбиваться из общей долгосрочной тенденции из-за краткосрочного влияния «коронакризиса» 2020 г. на структуру экономики.

Таблица 1

Структура реального ВВП России и Казахстана по видам экономической деятельности (в % к итогу)

Вид экономической деятельности	1990	1998	2008	2019	2020
Республика Казахстан					
Сельское хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство (ISIC A – B)	11,0	7,8	5,6	4,9	5,3
Добыча полезных ископаемых, коммунальные услуги (ISIC C, E)	13,8	17,6	18,0	15,4	15,2
Обрабатывающее производство (ISIC D)	10,6	13,3	11,6	11,3	12,0
Строительство (ISIC F)	8,8	3,1	7,3	7,2	8,2
Оптовая и розничная торговля, гостиницы и рестораны (ISIC G – H)	12,2	15,3	14,9	19,4	19,0
Транспорт, складское хозяйство, связь (ISIC I)	12,2	9,1	10,3	12,2	10,5
Прочие виды деятельности (ISIC J – P)	31,5	33,8	32,4	29,6	29,8
Российская Федерация					
Сельское хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство (ISIC A – B)	5,7	5,0	4,4	4,4	4,5
Добыча полезных ископаемых, коммунальные услуги (ISIC C, E)	17,8	14,0	12,2	11,9	11,5
Обрабатывающее производство (ISIC D)	17,8	14,0	14,1	14,7	15,0
Строительство (ISIC F)	10,8	5,2	7,8	7,0	6,8
Оптовая и розничная торговля, гостиницы и рестораны (ISIC G – H)	9,4	13,2	17,0	17,1	17,1
Транспорт, складское хозяйство, связь (ISIC I)	9,4	7,3	7,5	7,6	7,6
Прочие виды деятельности (ISIC J – P)	29,1	41,4	36,9	37,3	37,4

Источник: Рассчитано автором по: United Nations Statistics Division. National Accounts. URL: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/Basic> (Дата обращения: 02.01.2023).

К общим тенденциям относится:

– снижение доли первичных отраслей (сельское хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство), причём наиболее существенно в реальном выражении оно было выражено в Казахстане;

– заметное сокращение доли строительства в ВВП на этапе трансформационного спада (1990 гг.) в обеих странах, и последующий рост доли строительства в ВВП в 2000 гг., прекратившийся в 2010 гг.;

– существенный рост доли оптовой и розничной торговли, гостиниц и ресторанов по сравнению с 1990 г., что отражает как недоразвитость соответствующей сферы в советский период, так и структурный перекос в сторону нетехнологичных услуг, произошедший в ходе трансформации и последующего роста экономики.

К национально-специфическим тенденциям относятся:

– сокращение доли добычи полезных ископаемых в совокупности с инфраструктурными отраслями (производство и распределение электроэнергии, газа и воды) в России и рост данного показателя в Казахстане (особенно ярко выраженный к 2008 г.). Однако в силу комплексности указанного агрегата, приводимого в статистике ООН, требуется дополнительное уточнение тенденций, имевших место отдельно по каждому виду экономической деятельности;

– снижение суммарной доли транспорта, связи, складского хозяйства в России при том, что в Казахстане данные виды деятельности после некоторого снижения вернулись по своей доле в ВВП к уровню 1990 г.

– некоторый рост доли обрабатывающего производства в Казахстане по сравнению с уровнем 1990 г., в то время как в России деиндустриализация экономики была более чётко выражена, что проявилось в заметном снижении доли обрабатывающего производства в ВВП.

В аспекте справедливости структурные параметры экономического роста России и Казахстана являются наиболее противоречивыми. Отметим, что деиндустриализация экономики, как и повышение в структуре ВВП доли услуг, не опирающихся на высокотехнологичный базис (услуги торговли, финансового посредничества и т.п.) не способствует развитию человеческого потенциала и повышению качества производительных сил национальной экономики и в этом смысле также характеризует экономический рост как недостаточно «справедливый».

Косвенной оценкой деиндустриализации национальной экономики и упрощения структуры разделения труда может служить Индекс экономической сложности (ECI), рассчитываемый Гарвардским университетом США. Для определения ECI рассчитываются данные о разнообразии экспорта страны (количество экспортируемых товаров) и распространенности её экспорта (количество стран, в которые экспортируется товар), на основе которых строится матрица, позволяющая оценить уровень диверсификации экономики и распространенность её экспорта. На основе данной матрицы рассчитывается значение показателя ECI. В Табл. 2 представлены значения Индекса экономической сложности для России и Казахстана в сравнении с США и Китаем как современными лидерами мирового экономического развития.

Таблица 2
Индекс экономической сложности (ECI) в России, Казахстане, США, Китае

Страна	1995	2000	2005	2008	2010	2015	2018	2019	2020
Россия	0,22	0,77	0,55	0,06	0,16	0,12	-0,08	0,10	0,20
Казахстан	0,05	-0,17	-0,27	-0,58	-0,9	-0,54	-0,63	-0,36	-0,33
США	1,80	1,99	1,75	1,49	1,56	1,72	1,55	1,58	1,47
Китай	0,32	0,43	0,76	0,99	1,05	1,25	1,38	1,36	1,30

Источник: Atlas of Economic Complexity. URL: <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> (Дата обращения: 06.01.2023).

Несмотря на ограничения, присущие Индексу экономической сложности, которые были подробно рассмотрены в работе (Теняков, 2021), снижение его значений для России и Казахстана в целом на протяжении постсоветского периода свидетельствует об упрощении структуры экономики, продолжавшееся и в период высоких темпов экономического роста. Низкое структурное качество экономического роста в России и Казахстане также не позволяет оценить данный рост как «справедливый» с позиции доступных возможностей для реализации человеческого потенциала и развития производительных сил.

Наконец, традиционный аспект справедливости в экономическом росте – взаимосвязь роста и неравенства доходов – по данным экономик России и Казахстана также указывает на невысокий уровень «справедливости».

Таблица 3
Распределение общего объема денежных доходов по 20% группам населения России

Год	Первая группа (с наименьшими доходами)	Вторая группа	Третья группа	Четвертая группа	Пятая группа (с наивысшими доходами)	Индекс Джини
1992	6,0	11,6	17,6	26,5	38,3	0,289
1995	6,1	10,8	15,2	21,6	46,3	0,387
1998	6,0	10,6	15,0	21,5	46,9	0,394
1999	6,0	10,5	14,8	21,1	47,6	0,400
2000	5,9	10,4	15,1	21,9	46,7	0,395
2001	5,7	10,4	15,4	22,8	45,7	0,397
2008	5,1	9,8	14,8	22,5	47,8	0,421
2014	5,3	9,9	15,0	22,6	47,2	0,415
2019	5,3	10,1	15,0	22,6	47,0	0,412
2020	5,4	10,2	15,2	22,7	46,5	0,406
2021	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7	0,409

Источник: Росстат, официальный сайт: https://gks.ru/bgd/regl/B03_11/IssWWW.exe/Stg/d010/i010700r.htm; <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-2-3.xlsx> (Дата обращения: 03.01.2023).

Таблица 4
Распределение доходов населения в обследуемых домашних хозяйствах по 10% группам населения в Республике Казахстан

Год	10%-е группы										Индекс Джини
	1-я	2-я	3-я	4-я	5-я	6-я	7-я	8-я	9-я	10-я	
2001	2,95	4,29	5,31	6,33	7,47	8,78	10,40	12,58	15,77	26,12	0,339
2008	3,93	5,30	6,09	6,92	7,84	8,92	10,21	11,90	14,66	24,23	0,288
2014	4,09	5,33	6,18	7,05	8,01	9,08	10,36	12,05	14,68	23,17	0,278
2019	4,09	5,27	6,07	6,86	7,73	8,78	10,09	11,86	14,83	24,42	0,290
2020	4,15	5,27	6,05	6,81	7,67	8,71	10,05	11,90	14,78	24,61	0,291
2021	4,22	5,31	6,02	6,75	7,56	8,58	9,92	11,76	14,73	25,15	0,294

Источники: Уровень жизни населения в Казахстане. Стат. сб. Алматы, 2004. С. 110, 112; Уровень жизни населения в Казахстане. Стат. сб. Астана, 2010. С. 146, 148; Уровень жизни населения в Казахстане. Стат. сб. Астана, 2016. С. 68, 71; Уровень жизни населения в Казахстане. Стат. сб. Астана, 2022. С. 84, 88-89.

В Табл. 3 и 4 представлены данные о неравенстве распределения денежных доходов населения в России и Республике Казахстан (по 20% и 10% доходным группам). Из-за различий в методологических подходах статистических ведомств России и Казахстана, точное сравнение динамики неравенства доходов за постсоветский период затруднено, поскольку сопоставимые данные по Казахстану доступны только с начала 2000 гг. При этом статистика Республики Казахстан предоставляет более детализированную информацию (по 10%-м доходным группам) в отличие от российской статистики, которая ограничивается более грубым распределением неравенства доходов по 20%-м группам населения. Однако, с учётом вышеуказанных замечаний, сопоставление данных, представленных в Табл. 3 и 4, позволяет сделать содержательные выводы о динамике неравенства доходов населения в ходе экономического роста 2000-2010 гг.

Так, в России резкое усиление неравенства по доходам пришлось на начальный этап трансформации (первую половину 1990 гг.), а в последующие годы (в т.ч. период ускоренного роста 2000 гг.) имело место незначительное изменение соотношений между 20%-ми доходными группами. При этом до 2008 г. продолжалось усиление неравенства: сокращение доходов, приходящихся на 1-ю, 2-ю и 3-ю группы, некоторое увеличение доли 4-й группы и более значительное увеличение доли последней, 5-й группы. Таким образом, экономический рост 2000 гг. в России сопровождался усилением неравенства в распределении доходов, что подтверждает также и динамика индекса Джини (максимальное значение 0,421 было достигнуто в 2008 г.). В последующий период произошло незначительное смягчение неравенства (рост доли доходов, приходящихся на 1-4 группы, снижение доли 5-й группы), которое в целом сохранилось на уровне конца 1999-начала 2000 гг.

Напротив, судя по данным статистики Республики Казахстан, в отличие от России, в Казахстане происходило сокращение неравенства, как минимум, с 2000 гг. Наибольший прирост доли доходов наблюдался в 1-й группе населения, группы со 2-й по 8-ю увеличили свою долю в распределении доходов к 2014 г., после чего имел место некоторый откат назад, доли 9-й и 10-й групп несколько снизились. Снижение неравенства подтверждается и динамикой индекса Джини, который снизился с 0,339 в 2001 г. до 0,278 в 2014 г. Затем наметилось усиление неравенства, и индекс Джини стал расти, достигнув в 2021 г. значения 0,294.

Сравнение динамики неравенства в распределении доходов и темпов экономического роста показывает, что экономический рост в Республике Казахстан носил более справедливый характер (по 1-му и 3-му критериям) по сравнению с экономическим ростом в России. Однако в структурном аспекте и связанной с ним возможностью развития производительных сил (2 критерий), экономический рост в Казахстане носил более односторонний характер, чем в России, что подтверждается динамикой Индекса экономической сложности (Табл. 2).

В настоящем исследовании не ставится задачи всесторонне оценить «справедливость» экономического роста в России и Казахстане. Детальная оценка «справедливого роста» в указанных странах может быть получена только после углублённого анализа статистики экономической динамики (с учётом региональной неравномерности темпов роста), статистики неравенства доходов и богатства (особенно в сравнении с «начальными условиями» рыночной трансформации), статистики структуры отраслей и видов экономической деятельности. На наш взгляд, главная проблема

в обеспечении «справедливого» экономического роста связана с решением задачи реиндустриализации и развития экономики на базе нового технологического уклада, позволяющего раскрыть человеческий потенциал и повысить качество всех производительных сил общества. Поэтому выправление отдельных аспектов «несправедливости» (в частности, по темпам и неравенству доходов) путём политики перераспределения доходов или ускорения темпов роста без изменения его структуры не решит главную задачу: переход к новой национальной модели экономического роста на основе становления нового технологического и мирохозяйственного уклада, что позволит расширить пространство возможностей для реализации человеческого потенциала и развития производительных сил и приведёт к устойчивому и справедливому, качественному экономическому росту.

ЛИТЕРАТУРА

Агийон Ф., Уильямсон Дж. (2015). Экономический рост, неравенство и глобализация: теория, история и политическая практика. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. – 288 с.

Балашов Д.В. (2021). Дистрибутивные теории справедливости: от утилитаризма и обратно // Антиномии. Т. 21. Вып. 3. С. 7-29.

Бентам И. (1998). Введение в основания нравственности и законодательства. М.: Росспэн. – 415 с.

Маркс К. (1974). Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Соч. 2-е изд. М.: Политиздат. Т. 42. С. 41-174.

Миланович Б. (2017). Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Изд-во Института Гайдара. – 336 с.

Нозик Р. (2008). Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН. – 424 с.

Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. – 592 с.

Ролз Дж. (2010) Теория справедливости: Пер. с англ. / Науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ. – 536 с.

Сен А. (2016). Идея справедливости. М.: Изд-во Ин-та Гайдара. – 520 с.

Стиглиц Дж. (2015). Цена неравенства. М.: Эксмо. – 512 с.

Теняков И.М. (2017). Системно-историческая типология экономического роста // Журнал экономической теории. № 4. С. 83-94.

Теняков И.М. (2021). Количественные и качественные характеристики экономического роста в России: 30 лет рыночных преобразований // Вопросы политической экономики. № 3 (27). С. 37-52.

Хубиев К.А., Теняков И.М. (2022). Надломленный вектор развития российской экономики // Вопросы политической экономики. № 2 (30). С. 22-39.

Helpman E. (2018). Globalization and Inequality. Cambridge, Massachusetts, and London, England. – 213 p.

Inclusive growth of the Eurasian Economic Union Member States: assessments and opportunities. (2019). EEC, UNCTAD. – 69 p.

Patnaik U. (2017). Revisiting the «Drain», or Transfer from India to Britain in the Context of Global Diffusion of Capitalism // Agrarian and Other Histories: Essays for Binay Bhushan Chaudhuri: Shubhra Chakrabarti and Utsa Patnaik (eds). New Delhi: Tulika Books. Pp. 277-317.

Phelps E.S. (1961). The Golden Rule of Accumulation // American Economic Review. September. Pp. 638-642.

Ivan M. Tenyakov¹

ON THE QUESTION OF SOCIALLY JUST ECONOMIC GROWTH: THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN*

Keywords: *fair economic growth, inclusive growth, social justice, opportunity approach, income distribution, global growth trend, Russia, Kazakhstan.*

REFERENCES

- Aghion P., Williamson J.* (2015) *Ekonomicheskiy rost, neravenstvo i globalizatsiya: teoriya, istoriya i politicheskaya praktika*. M.: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS. – 288 s. (In Russ.)
- Balashov D.B.* (2021) *Distributivnyye teorii spravedlivosti: ot utilitarizma i obratno // Antinomii*. T. 21. Vyp. 3. S. 7-29. (In Russ.)
- Bentham I.* (1998) *Vvedeniye v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva*. M.: Rosspen. – 415 s. (In Russ.)
- Inclusive growth of the Eurasian Economic Union Member States: assessments and opportunities. (2019). EEC, UNCTAD. – 69 p.
- Khubiev K.A., Tenyakov I.M.* (2022) *Nadlomlennyy vektor razvitiya rossiyskoy ekonomiki // Voprosy politicheskoy ekonomii*. № 2 (30). S. 22-39. (In Russ.)
- Marx K.* (1974) *Ekonomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 g. // Soch.* 2-ye izd. M.: Politizdat. T. 42. S. 41-174. (In Russ.)
- Milanović B.* (2017) *Global'noye neravenstvo. Novyy podkhod dlya epokhi globalizatsii*. M.: Izd-vo Instituta Gaydara. – 336 s. (In Russ.)
- Nozick R.* (2008) *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya*. M.: IRISEN. – 424 s. (In Russ.)
- Rawls J.* (2010) *Teoriya spravedlivosti: Per. s angl. / Nauch. red. i predisl. V. V. Tselishcheva*. Izd. 2-ye. M.: Izdatel'stvo LKI. – 536 s. (In Russ.)
- Piketty T.* (2015) *Kapital v XXI veke*. M.: Ad Marginem Press. – 592 s. (In Russ.)
- Sen A.* (2016) *Ideya spravedlivosti*. M.: Izd-vo In-ta Gaydara. – 520 s. (In Russ.)
- Stiglitz J.* (2015) *Tsena neravenstva*. M.: Eksmo. – 512 s. (In Russ.)
- Tenyakov I.M.* (2017) *Sistemno-istoricheskaya tipologiya ekonomicheskogo rosta // Zhurnal ekonomicheskoy teorii*. № 4. S. 83-94. (In Russ.)

¹ **Ivan M. Tenyakov**, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow (*itenyakov@mail.ru*).

***JEL codes:** O15, O47, O57.

Citation: Tenyakov I.M. (2023). On the question of socially just economic growth: the experience of Russia and Kazakhstan. *Problems in Political Economy*, № 1 (33): 78-91.

DOI: 10.5281/zenodo.7850860 <https://zenodo.org/record/7850860>

Tenyakov I.M. (2021) Kolichestvennyye i kachestvennyye kharakteristiki ekonomicheskogo rosta v Rossii: 30 let rynochnykh preobrazovaniy // Voprosy politicheskoy ekonomii. № 3 (27). S. 37-52. (In Russ).

Helpman E. (2018) Globalization and Inequality. Cambridge, Massachusetts, and London, England. – 213 p.

Patnaik U. (2017) Revisiting the “Drain”, or Transfer from India to Britain in the Context of Global Diffusion of Capitalism // Agrarian and Other Histories: Essays for Binay Bhushan Chaudhuri: Shubhra Chakrabarti and Utsa Patnaik (eds). New Delhi: Tulika Books. Pp. 277-317.

Phelps E.S. (1961) The Golden Rule of Accumulation // American Economic Review. September. Pp. 638-642.